

Отечность лица Хан Джун У после бессонной ночи напоминала мне рыбу-фугу, поэтому, притворяясь раздраженным, я бросил холодную банку с газировкой на его стол. Я всегда без исключения подавал ему холодный напиток в те дни, когда он предавался своим хобби. Забавно, что это было только потому, что лицо Хан Джун У было склонно к опуханию.

— Перестань сидеть там и выглядеть так нелепо, избавься от опухоли.

— Благодарю.

— Разве твой отец не ругал тебя сегодня утром?

— Благодаря тебе нет.

Хан Джун У пожал плечами, говоря об этом с большой гордостью. Я просто ухмыльнулся и немного поджал губы от его поведения. Затем, когда я повернулся, чтобы сесть, я заметил большую газету, разложенную на столе рядом с Хан Джун У. Мой взгляд задержался на этом месте.

Соседом Хан Джун У был не я, а Го Ёхан. Я был на ладонь ниже Хан Джун У, а Го Ёхан был на пол-ладони выше его. Поэтому, естественно, Го Ёхан оказался рядом с ним. Я часто проклинал свой низкий рост, цепляясь за небольшое удобство сидеть на предпоследнем месте просто потому, что Хан Джун У был прямо за мной. Это было моим единственным утешением.

Похоронив глубоко внутри себя даже это чувство зависти, я бесстыдно указал на Го Ёхана.

— Когда он сюда приехал?

— Понятия не имею. Он выглядел так же, когда я появился.

— Почему человек, который вчера рано ушел домой, выглядит вот так?

Как только я закончил говорить, раздался шуршащий звук. Газета упала, открыв полуприкрытые глаза Го Ёхана. Его узкий взгляд скользнул по мне и Хан Джун У, прежде чем он широко открыл рот, зевнув.

— ...Я сказал себе, что просто поиграю еще немного перед сном, и...ну вот.

Правду говорят, что зевота заразна. Хан Джун У последовал его примеру, широко растянув рот, прежде чем сморщиться и самодовольно ухмыльнуться.

— Этот ублюдок. Выглядит как хулиган, но ведет себя более порядочно, чем Ан Джису.

— Да, иди нахуй.

— Понял, придурок.

Понял ли Го Ёхан, что Хан Джун У насмехается над ним? Он небрежно откинулся назад и искренне засмеялся. Я наблюдал за ним мгновение, и наши глаза встретились. Он перевел взгляд на окно, затем снова на меня. Почувствовав странное щекотание под кожей, я почесал плечо и переключил свое внимание снова на Хан Джун У.

Атмосфера в классе рано утром была относительно приятной. Такие разговоры часто задавали тон дню. Вскоре одноклассники, такие как Чхве Донхван и Пак Дончхоль, подходили, с восхищением глядя на Хан Джун У, и с нетерпением слушали его истории. Разворачивалась обычная рутина: болтовня, смех и, в конце концов, прибытие классного руководителя, чтобы начать урок.

Для мальчиков, считающихся самыми популярными в школе, это было на удивление полезное начало утра.

Но в конце дня нам было всего восемнадцать. Истории о диких, запутанных отношениях прошлой ночи, особенно когда в них был замешан Хан Джун У, оставили неприятный привкус во рту. Но я все равно подыгрывал, притворяясь, что мне это нравится.

Несмотря на все это, я думал, что эти утра не так уж плохи. Но все изменилось полтора месяца назад. И причиной был исключительно Хан Тэсан.

— Эй, Хан Тэсан здесь.

— Блин. Отвратительно.

— Этот придурок даже не думает не ходить в школу после того, как ему так надрали задницу?

Чхве Донхван открыто издевался над Хан Тэсаном, указывая на него с преувеличенным презрением. На кончике пальца Чхве Донхвана стоял Хан Тэсан, неловко вошедший в класс, спрятавший лицо за челкой. Он прошаркал к столу в первом ряду, положил сверху свою рваную сумку и тут же сгорбился. Глядя на его сгорбленную фигуру, я вздохнул, полный раздражения.

Хан Тэсан был совершенно жалок. Его голос был тонким, его телосложение маленьким — жалкое подобие человека. Когда ропот класса усилился, Хан Джун У бросил кинжальный взгляд в спину Хан Тэсана, бормоча проклятия себе под нос. Я ненавижу это. Эта его чувствительность — она сводила меня с ума.

Схватив газету, которая ранее закрывала лицо Го Ёхана, Хан Джун У скомкал ее в одной руке.

Затем, легким броском, он швырнул ее в голову Хан Тэсана. Глухой удар. С тихим звуком голова Хан Тэсана упала на стол.

— Чёрт возьми. Не показывай это отвратительное лицо с утра пораньше.

Хан Тэсан положил руки на стол и зарылся в них лицом, делая в точности так, как сказал ему Хан Джун У. Однако он смотрел на это с презрением и пнул свой собственный стол.

— Эй! Ты мне не ответишь?

Когда Джун У резко встал и закричал, Хан Тэсан, все еще сгорбившись, пробормотал дрожащим голосом.

— Д-да.

— Подними голову, посмотри на меня и скажи это нормально.

Джун У вообще осознавал, какую чушь он несет? Полная абсурдность его требований заставила меня горько рассмеяться.

Заметил он или нет меня не волновало, Джун У встал и подошел к Хан Тэсану. С каждым его шагом неприятные чувства внутри меня становились все более яркими и острыми.

Джун У сокращал расстояние между собой и Тэсаном. Одно это заставило меня чувствовать, что я теряю контроль над эмоциями, которые я так усердно подавлял.

Это была не та ревность, которую я чувствовал, когда Джун У сблизился с Го Ёханом. Инстинктивно я это знал. В глубине души я таил в себе что-то столь же злое, как и Джун У. Вот почему наблюдение за Джуну и Ёханом в конце концов стало терпимым, но его взаимодействие с Тэсаном все больше и больше беспокоило меня. Мои руки начали дрожать, и я крепко сжал их, чтобы скрыть это.

Джун У сильно пнул стол Тэсана. Стол сильно затрясся, почти опрокинувшись, и Тэсан тревожно вздрогнул, его голос все еще дрожал.

— И-извините.

Джун У стоял там, молча глядя на лицо Тэсана. Глаза Тэсана блестели от непролитых слез, на грани того, чтобы разрыдаться. Однако в тот момент я чувствовал, что и я сам могу зарыдать.

Джун Уне заставлял Тэсана бегать по бессмысленным поручениям, но он всегда не спускал с

него глаз. Если Тэсан ходил в туалет во время перерыва, Джун У все равно следил за его удаляющейся фигурой, даже разговаривая с нами. Я знал это, потому что никогда не переставал следить за Джун У.

Честно говоря, моим первым впечатлением о Хан Тэсане было то, что он не был чем-то особенно примечательным. Его кожа была не самой чистой, но его молодые черты делали его лицо приятным для глаз. Когда он улыбался, это было искреннее счастье, и даже его нейтральное выражение лица несло в себе определенную яркость.

До того, как Джун У начал его мучить, никто не испытывал неприязни к Тэсану. Он казался ребенком, выросшим в теплой, любящей обстановке. Хотя он был не совсем общительным, предпочитая проводить время в одиночестве, в его поведении не было и следа беспокойства или дискомфорта.

Большинство людей считали Тэсана порядочным парнем. Поскольку он никогда не выставлял напоказ ту привязанность, которую получил в детстве, он заслужил еще больше похвал. Скромный, тихий, умный и необъяснимо приятный в общении — таким был Хан Тэсан.

Но он мне не особо нравился с самого начала. Я его и не ненавидел — мне просто было все равно. Сказать, что он даже не был в моем поле зрения, было бы точнее. Тем не менее, всякий раз, когда я разговаривал с друзьями, Джун У или группой Ёхана, и всплывало имя Тэсана, я ловил себя на том, что небрежно лгал, говоря:

—О, он? Он ничего. Достаточно милый.

Джун У, как и я, поначалу не обращал особого внимания на Тэсана. Джун У никогда не был тем человеком, которого заботят школьные дела. После того, как Тэсан перевелся в мае, они с Джун У не обменялись ни единым словом до июня. Так все и было изначально.

Но однажды что-то изменилось. Небольшое, резкое отклонение образовалось в обыденном потоке событий. Это произошло сразу после обеда, и, оглядываясь назад, я не думаю, что когда-либо жалел о чем-то, что сделал, так сильно, как о том, что произошло в тот день.

Тэсан, как обычно, сел в углу на перемене, чтобы почитать. Он был из тех людей, которые любят зарываться в книги. С другой стороны, у меня была привычка быть чрезмерно дружелюбным с людьми с хорошей репутацией.

Вот почему, когда я случайно наткнулся на Тэсана, я завязал разговор о книге, которую он читал. Я сам не был большим любителем читать — притворяться культурным было больше в моем стиле.

— Ты, должно быть, очень любишь книги, да?

— А? О, да, я полагаю.

В то время мы с Тэсаном были еще далекими знакомыми. Может быть, поэтому мне было легче с ним познакомиться.

— Ты закончил это произведение?

— Ну, я почти у цели.

«Тогда просто закрой ее сейчас. Концовка тебя разочарует. Это одна из тех книг, где концовка все портит.

— Ты уже читал это раньше?

— Да, некоторое время назад.

Чтобы удовлетворить свое интеллектуальное тщеславие, я всегда искал рецензии и критику прочитанных мною книг, чтобы быть уверенным, что мне будет что сказать в будущих разговорах. Опираясь на эти воспоминания, я предложил критику — не настоящую, а лишь достаточную, чтобы звучать информированно, — и Тэсан широко улыбнулся, выглядя искренне довольным. Это застало меня врасплох.

— Ты первый человек, которого я встречал, кроме меня, кто прочитал эту книгу.

— Да неужели?

— Да, но я все равно собираюсь дочитать. Думать о том, почему концовка получилась именно такой, какая она есть, — это часть веселья.

— Ну, конечно. Мнения у всех разные.

— Услышав все это, я с еще большим нетерпением жду концовки.

Эта улыбка все еще остается неприятным воспоминанием. Было ли это какое-то инстинктивное беспокойство, которое я тогда чувствовал?

После того дня Хан Тэсан начал часто искать меня. Хотя я находил это немного раздражающим и часто задавался вопросом: «Почему я?», я не отвергал его напрямую. Тэсан, с его хорошей репутацией, был не самым худшим человеком, которого можно было держать рядом.

В конце концов, книги — за исключением учебников и рабочих тетрадей — были практически под запретом для людей нашего возраста. Даже если у кого-то было время, книги были для них

не более чем прославленными подушками. Для Тэсана я был, вероятно, единственным человеком, который мог говорить о таких вещах.

Тот день был одним из таких обычных дней, однако он также оказался одним из самых злополучных.

Виноват был Го Ёхан. До сих пор не могу понять, почему я так себя повел. Почему я, человек, который никогда не вмешивался в чужие дела, решил сунуть свой нос туда, куда не следует. Почему Ёхан, из всех возможных людей, оставил свой фиктивный экзаменационный лист по корейскому языку широко раскрытым, чтобы все прохожие могли его увидеть.

Я, человек, который ненавидел, когда мои оценки были раскрыты, естественно, предположил, что Ёхан тоже не хотел бы, чтобы их раскрыли. Поэтому я перевернул листок, чтобы скрыть его. Вот тогда я и увидел: его оценка 81 балл.

Я моргнул в недоумении и проверил еще раз. Это было определено 81. Учитывая высокие пороговые значения для этого теста, он едва ли дотягивал до 4-го уровня. Но все равно, он был на верхнем конце.

Это был первый раз, когда одно из моих предубеждений было разбито. Было небольшим шоком осознать, что Ёхан не был таким уж безнадежным случаем, как я думал. Естественно, это заставило меня задуматься об оценках Джун У. Теперь он был настоящим мусором. Парень, который ставил на каждый вопрос «2» и спал до конца экзамена, Джун У ни разу не смог набрать приличный балл.

Может быть, поэтому я чувствовал такую смесь эмоций — как будто я нашел среди мусора пригодный для переработки мусор. Парень, которого я когда-то ненавидел, оказался более пригодным для спасения, чем парень, который мне нравился. Это странное осознание, должно быть, сбilo меня с толку, потому что я сделал то, чего обычно никогда бы не сделал.

Ничего особенного. Я просто схватил ближайшую ручку и нацарапал короткую заметку в верхней части бумаги Ёхана.

«Сосредоточься на вопросах по научной литературе. Скоро ты достигнешь третьего уровня. Хорошая работа. — Кан Джун.

P.S. Извини, что посмотрел твою оценку без разрешения. Я просто перевернул ее, чтобы прикрыть, и случайно увидел.»

Высокомерие, с которым я оцениваю чью-то оценку и даю непрошенные советы, заставило меня почувствовать себя немного неловко, поэтому я пустился в рассуждения, чтобы оправдаться.

Я не могу сказать, зачем я вообще это написал. В то время я, должно быть, был не в своем уме. Оглядываясь назад, было ясно, что это была первая ошибка в том, что станет серией

запутанных ситуаций. Любой беспорядок начинается с плохо застегнутой первой пуговицы.

Если бы я не написал эту записку, я бы не столкнулся с Хан Тэсаном, несущим книгу по коридору. Если бы я просто пропустил его, ничего бы не произошло. Но мне пришлось встрять, как идиоту, и указать на книгу, которую он держал.

— Это очень хорошая книга, — сказал я.

Словно ожидая, что кто-то заметит, глаза Тэсана загорелись, и он ответил:

— Ты тоже читал?

— Ага.

— Ух ты...

— Она короче, чем кажется. Ты закончишь ее в мгновение ока.

Не знаю, почему я хотел казаться знающим. Может, мне просто хотелось покрасоваться. Такой уж я человек, в конце концов.

— Если я закончу, могу ли я прийти к тебе? На самом деле, я почти закончил. Мне осталось совсем немного, и я бы очень хотел поговорить об этом с тобой.

— Я не против. В любое время.

Зачем я это сказал? Это была моя самая большая ошибка. Уйти от Тэсана, который сиял от волнения по поводу времени, которое мы проведем вместе, и отправиться на поиски Хан Джун У было еще одной ошибкой.

Хан Джун У любил баловство. Он процветал на бунте и гедонизме. Все, что презирали его родители, он принимал всем сердцем. Было ли это актом неповиновения им или просто его истинной натурой, я не мог сказать — не за полтора года, что мы дружили. Но какова бы ни была причина, все согласилось, что она кажется достаточно правдоподобной. Джун У был гораздо более наглым, чем другие дети нашего возраста.

Естественно, Джун У курил.

Он выкуривал полпачки в день, выбираясь покурить примерно каждые три часа. Обычно он делал это после первого урока и сразу после обеда. После первого урока я чувствовал себя беспокойной, всегда поворачивался, чтобы спросить, как только звонил звонок:

— Джун У, ты снова идешь покурить?

— Да, у меня руки трясутся как сумасшедшие.

— Тогда позволь мне пойти с тобой.

— Зачем такой некурящий, как ты, ходит за мной по пятам?

— Запах сигаретного дыма лучше, чем вонь пота в этом классе. Серьёзно, меня от него тошнит.

— Ты такой чувствительный.

— Ты собираешься на мусоросжигательный завод?

— Да, приходи, если хочешь.

— Подожди, подожди меня.

Но Джун У редко ждал. Он хватал зажигалку и уходил еще до того, как я надевал куртку. Честно говоря, мне даже запах сигарет не нравился. Он был тошнотворным.

Теперь, однако, я мог терпеть это до такой степени, чтобы стоять рядом с Джун У и смотреть, как он курит. Мне нравился сонный взгляд в его глазах, когда он курил. Мне нравился мягкий изгиб его носа. Я терпел дискомфорт ради этого времени в одиночестве, ради возможности открыто смотреть на него.

Пока я был поглощен наблюдением за Джун У, появился Хан Тэсан.

— Кан Джун!

Что теперь?

Это было похоже на то, как будто меня силой выдернули из заветного момента. Немного смутившись, я поднял глаза и спросил:

— Что ты здесь делаешь...?

— Я закончил!

Он держал книгу, его лицо светилось, словно доказывая, что он искал меня. Это было то же самое лицо, которое очаровало всех. Затем, словно только заметив Джун У, Тэсан сказал что-то, от чего воздух застыл.

— Студенту нельзя курить. Особенно рядом с другом.

Этот его несомненно добрый тон — ни обвиняющий, ни обиженный — разнесся по воздуху.

— Вероятно, твоему другу не нравятся такие вещи.

Джун У нахмурился и выронил сигарету из пальцев на землю к ногам Тэсана.

— А ты кто, черт возьми?

— Но ты все равно крутой.

— ...

Тэсан тепло улыбнулся. Джун У тем временем молча смотрел на него, его пальцы слегка подергивались. Тонкий дымок поднимался от брошенной на землю сигареты, и на мгновение я обнаружил себя странно очарованным вьющимися завитками.

Оглядываясь назад, я думаю, что это был тот момент, когда Джун У впервые по-настоящему заметил Тэсана. Мальчик, который прятался в забытом углу класса, наполненного затхлым воздухом. С этого момента Джун У начал не спускать глаз с затылка Тэсана. Я в этом уверен.

Но Тэсан, всегда тихий и не заинтересованный в формировании близких отношений, не обращал внимания на Джун У. Он не собирался сблизиться с ним. Это равнодушие, должно быть, задевало гордость Джун У.

Примерно две недели спустя Джун У сбил Тэсана с ног, когда тот шел по классу.

— Ах! Ой...

Тэсан поморщился, когда упал, его лицо скривилось от боли. Несмотря на то, что это он споткнулся, он отряхнул штаны и встал с виноватой улыбкой, сказав:

— Извини за это.

Я был ошеломлен. Почему? Почему Джун У сделал это просто так? Застыв, я мог только смотреть, как Тэсан встал. Джун У, не обращая внимания на мой шок, провел рукой по своим

светлым волосам и лениво протянул, его слова обжигали мою память:

— Чёрт возьми. Смотри, куда идёшь. Ты бы не споткнулся, если бы обращал внимание на то, что перед тобой.

Когда я думаю об этих словах сейчас, они звучат как жалобы человека, расстроенного тем, что его не замечают. Иногда это заставляет меня насмеяться над тем, насколько ребячливым может быть Джун У.

<http://bllate.org/book/12586/1118461>